

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ: ОПЫТ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ 1960-е - 80-е гг.

Иван Селеньи

Калифорнийский университет, США

Предисловие переводчика

Эта статья, опубликованная впервые в журнале «Politics for Society» еще в 80-е гг. на английском языке, прислана автором в нашу редакцию для повторной публикации, но уже в русском переводе. Ее название в оригинале - «The Prospects and Limits of the East European New Class Project An Auto-critical Reflection on "The Intellectuals on the Road to Class Power"», В этом названии почти каждое слово является символом, за которым стоит незнакомый для части наших читателей историко-социологический контекст. Поэтому для того, чтобы название было ясно российскому читателю, здесь допущен столь вольный перевод.

И.Селеньи и Г.Конрад, тогда еще венгерские социологи, написали в Венгрии и издали за границей книгу «Интеллектуалы на пути к классовой власти: социологическое исследование роли интеллигенции при социализме» (The Intellectuals on the Road to Class Power: A Sociological Study of the Role of the Intelligentsia in Socialism. New York, 1979.), принесшую им славу на Западе и преследования на родине. Книга получила широкий научный и политический резонанс. Неоднократно переиздавалась в разных странах мира на различных языках (разумеется, кроме русского), стала заметным событием в истории мировой социологии второй половины XX века.

Поскольку объектом исследования была текущая общественно-политическая реальность, а авторы пытались прогнозировать ее развитие, то вполне естественно, что жизнь каждый день давала и дает новую информацию к размышлению, вносит поправки в прогнозы двадцатилетней давности. Поэтому И.Селеньи в предисловиях к новым изданиям пытается ввести старую работу в новый контекст. К японскому изданию книги (1986 г.) он написал большое предисловие, которое фактически стало самостоятельным исследованием проблемы отношений интеллигенции и власти в Восточной Европе в 60-80-е гг. На основе этого предисловия и была подготовлена данная статья. С момента ее написания прошло уже немало лет, поэтому некоторые суждения автора уже покажутся устаревшими. Однако в целом она представляет

несомненный интерес как теоретическое и историческое исследование, которое дает толчок для анализа как текущих событий в Восточной Европе, так и аналогичных процессов в нашей стране. Кроме того, данная работа позволяет в довольно лаконичном и представительном виде познакомить российского читателя с крупным современным социологом.

Статья публикуется с небольшими сокращениями. Опущены некоторые сюжеты сугубо прогностического характера.

Одиннадцать лет назад, в последние дни лета 1974 г., мой друг Георг Конрад и я заканчивали рукопись нашей последней совместной книги «Интеллектуалы на пути к классовой власти» в нашем маленьком домике в селе Csobanka, что в 10-15 км от Будапешта. Мы писали книжку в спешке, в «укромном месте», вдали от наших городских квартир и офисов. Мы были параноидально убеждены (и как показали последующие события - не без оснований), что политическая полиция следит за нами. Мы думали, что полиция готова выхватить рукопись из наших рук, как только она будет закончена или даже раньше. Таким образом, нас подстегивало ощущение нехватки времени и наивного, даже нарциссического, чувства исторической значимости. Мы чувствовали, что открыли секрет государственного социализма - неминуемое появление нового господствующего класса интеллектуалов. Мы хотели это срочно зарегистрировать для истории и затем распространить новость как можно быстрее и шире, еще до того, как мы будем схвачены и исчезнем (вероятно, на годы) в тюрьме, а наша рукопись пропадет (вероятно, навсегда) в архивах КГБ.

Прошедшее десятилетие радикально изменило наши личные жизни. В 1975 г. я покинул Венгрию и в течение 10 лет жил на трех континентах и преподавал в трех университетах. Конрад остался и предпочел стать писателем, оставив приключения в области социологической теории. Прошедшее десятилетие принесло важные изменения в жизнь восточноевропейцев. Цель этой статьи - оценить наше предвидение восходящего класса интеллектуалов в свете событий последующих лет и с большого расстояния - из США.

В этой статье я, во-первых, поместил «Интеллектуалов на пути к классовой власти» в исторический контекст и интерпретировал книгу прежде всего как размышление о восточноевропейском послесталинском реформистском движении 60-х годов. Во-вторых, я сделал краткий обзор некоторых главных (и нами непредвиденных) изменений в восточноевропейской социальной структуре после 1974 г. Здесь анали-

зируется также самоубийственное упрямство восточноевропейской бюрократии относительно возможности хоть сколько-нибудь поделиться властью с кем бы то ни было, даже с технократией. Я рассматриваю также совершенно неожиданное возрождение предпринимательства и удивительную терпимость по отношению к малому бизнесу (по крайней мере в таких странах, как Венгрия и Китай). В-третьих, я размышляю об альтернативных сценариях развития государственного социализма.

Я все еще убежден, что мы уловили важную тенденцию в эволюции восточноевропейского социализма 60-х гг. (хотя мы, возможно, излишне обобщили наши выводы). Несмотря на непредвиденные социальные изменения 70-80-х гг., новый класс имеет шансы и в современной Восточной Европе. И эти шансы все еще выше, чем в массе европейских стран. Моя самокритика в первых двух частях направлена только против необработанных краев нашей теории. И я все еще считаю, что в своей основе она была верна.

С другой стороны, в последней части я вынужден быть более критичным в отношении нашей книги. Ее главный недостаток - то, что мы не смогли представить перспективы развития восточноевропейского нового класса как всего лишь одного из нескольких возможных вариантов будущего. Мы не фокусировали внимание на этом варианте, потому что мы не верили в историческую неизбежность или детерминизм. Но поскольку жизнеспособность нового класса была в начале 70-х гг. слишком очевидной, надвигающейся, мы не смогли потратить достаточно времени на исследование того, что еще может случиться. Через десять лет трансформация социализма советского типа в общество с доминирующим классом интеллектуалов, хотя и оставалось возможным, но стало менее вероятно, чем в 1975 г.

Интеллектуалы и власть в период постсталинского реформистского движения 60-х гг.

Книга «Интеллектуалы на пути к классовой власти» - это в определенном отношении дружеская полемика с книгой Милована Джиласа «Новый класс». Нам понравилась его книга, мы полагали, что он сделал выдающуюся работу по созданию критической теории социальной структуры сталинистского общества. Наши относительно мелкие разногласия с ним касались главным образом терминологии. Это был спор между нами, профессиональными социологами, которые

стремились использовать социологические понятия особенно категорию класса, в точном смысле, и Джиласом - философом-идеологом, который меньше заботился о терминологических традициях.

Мы приняли центральный тезис Джиласа, что в обществах советского типа доминирует бюрократия. Но мы были против применения понятия «класс» для описания структурной позиции этой бюрократии, с нашей точки зрения, она была слишком «архаичной», слишком «азиатской» для этой категории. Мы с нашей подготовкой в веберовском и марксистско-лукачевском духе хотели приберечь понятие класса для современного феномена западного типа. Мы предпочитали писать о «господствующем бюрократическом сословии» (для лучшего усвоения американской аудиторией это определение было переведено в английском издании как «правящая элита»). Однако в остальном мы находили диагноз Джиласа верным.

Мы также думали, что джиласовский анализ нуждается в большой ревизии. Он писал книгу о сталинской эпохе. Наш же замысел состоял в написании книги о постсталинской форме государственного социализма. Джилас был прав: в конце 40-х - начале 50-х гг. в восточноевропейских обществах господствовало бюрократическое сословие. Но вслед за десталинизацией, особенно в эру реформ 60-х гг., круг тех, кто господствовал в обществах государственного социализма, стал расширяться. Интеллектуалы разных видов, от гуманитарной интеллигенции и идеологов до технократов, присоединялись к кругу власть имущих, смешиваясь с бюрократами; образованные люди с дипломами стали заменять на бюрократических постах необразованных; «эксперты»-технократы стали делить власть с «красными» чиновниками.

Мы думали, что менялась сама бюрократия. Она становилась менее архаической, более рациональной, более интеллектуализированной. В то же время интеллектуалы до определенной степени бюрократизировались. Таким образом, бюрократы и интеллектуалы вместе формировали новый, объединенный класс.

Я все еще полагаю, что это был обоснованный тезис. Социализм менялся в этом направлении. В течение 60-х гг. в нескольких восточноевропейских странах, а возможно - и по всему советскому блоку, наиболее видная часть интеллектуалов крутила любовный роман с властью. Кульминацией этого романа стало лето 1968г. Лето начинаюся в духе «Пражской весны»; Даже на Западе во время майских дней в Париже можно было чувствовать неизбежность социализма. Чешские и венгерские коммунисты готовили свои реформы при значительной поддержке интеллектуалов. В воздухе витало столь сильное возбуждение,

что первое облако - столкновение с применением насилия между бюрократией и студентами в Варшаве в начале того же года - прошло почти незамеченным.

Я до сих пор помню, как в среде интеллектуалов в августовском Будапеште была широко распространена вера в систему и идентификация с ней. Всего за несколько дней до вторжения в Чехословакию у меня была довольно резкая стычка в винном погребе замка Буды с одним из наиболее преданных учеников Георга Лукача, который к началу 70-х гг. стал одним из ведущих диссидентов и моим другом. Довольно цинично (выпив, вероятно, больше, чем надо) я предсказывал, что русские введут войска в Прагу. Он яростно возражал, будучи убежден, что Советы не могут так поступить.

Его возражения не были столь уж удивительны, ведь Лукач примерно в то же время сформулировал свой знаменитый лозунг: «Даже худший социализм лучше, чем самый лучший капитализм». Большинство венгерских интеллектуалов, как я полагаю, думали, что это было преувеличение, и мало кто из них поменял бы Швецию на Албанию. Однако многие из нас верили, что в этом лозунге было по крайней мере зернышко правды.

Вторжение в Чехословакию изменило ситуацию драматически, хотя и не в одну ночь. Это событие означало ухудшение отношений между восточноевропейскими интеллектуалами и бюрократами. Ученик Лукача, который 15 августа все еще защищал Советский Союз, подписал резкий протест 22-го или 23-го августа (надо признаться, что я этого не сделал), который принес ему позже много неприятностей. Он проснулся рано. Другие были не столь быстры, но процесс избавления от иллюзий был уже непреодолим.

Мы написали «Интеллектуалов на пути к классовой власти» в некотором смысле слишком поздно. Эта книга должна была бы быть завершена и опубликована к лету 1968 г., а не в 1974 г., когда люди с более обостренными политическими инстинктами, чем у нас, диагностировали конец нелегкого любовного романа между восточноевропейской интеллигенцией и бюрократией советского типа. Если наша критика Джиласа была точна и его книга о новом классе - это книга о начале 1950-х гг., тогда наша работа - о середине-конце 60-х гг. Она, конечно, далека от того, чтобы быть последним словом о характере послесталинского или, как мы называли его, «зрелого социализма».

Нас критиковали за то, что на основе уникального венгерского опыта мы делали выводы о государственном социализме вообще. Я думаю, что эта критика верна лишь отчасти. Действительно, перспективы

прихода нового класса в Венгрии были особенно сильны, они здесь раньше появились, имели более длинную историю и касались более широких кругов интеллигенции, чем где бы то ни было. Могла ли книга о восходящем классе интеллектуалов быть написана в Чехословакии 1974 г.? Это трудно вообразить. В это время Венгрия была одной из немногих стран (возможно, последней), где раскол между интеллектуалами и бюрократией не был столь очевиден и не представлялся столь серьезным и непоправимым. Мы также писали о «контрнаступлении» «господствующего сословия», но полагали, что это преходящее явление - «помехи», замедляющие формирование класса, но не предотвращающие его.

Движение нового класса по пути к власти началось в Венгрии довольно рано, вероятно, немного раньше, чем в Чехословакии или Восточной Германии, хотя вряд ли раньше, чем в Польше или Советском Союзе. В конце хрущевского и начале брежневского периодов в СССР возникла своего рода разрядка в отношениях интеллигенции и аппарата. Даже Агнес Геллер (Agnes Heller), один из наших решительных критиков (она обвиняет нас в приписывании слишком большой рациональности советской системе, которую рассматривает как вариант «традиционного господства»), отметила флирт Советов со «сциентизмом» при Хрущеве. В начале 60-х годов в Советском Союзе имела место вторая волна попыток легитимизировать коммунизм с помощью науки и технологии.

Первая волна была в конце 20-х - начале 30-х годов, когда Сталин получил большие дивиденды от советских успехов в области науки и авиационной промышленности. Вторая волна имела место в начале 60-х годов - период спутника, веры в советскую науку и образование, когда проблемой спутника были озабочены и Соединенные Штаты, что имело благоприятное влияние на государственное финансирование науки и высшего образования.

В Венгрии сближение между интеллектуалами и бюрократией началось в 1963 или 1964 г. Желание венгерских интеллектуалов начать разрядку в отношениях с бюрократией, перейти к мирному сосуществованию с ней вскоре после кровавого поражения 1956 г., (когда даже в 1959 г. режим казнил людей за «преступления», совершенные во время волнений 56-го года), возможно, было связано с научными успехами позднего хрущевизма. Я убежден, что образ социализма как системы, превосходящей анархический и лишь формально рациональный капитализм, сыграл решающую роль в убеждении интеллектуалов Восточного блока в необходимости компромисса. Это прежде всего относилось к Венгрии, где возник новый политический режим Кадара, который был

способен совместить сциентизм позднего хрущевизма со своей собственной любопытной формой прагматизма.

Воздействие венгерской интеллигенции было шире и глубже. Идеологи, философы, социологи и экономисты быстро включились в процесс новой легитимизации и подавили в себе всякие воспоминания о травме 1956 года. Лукач, член кабинета Имре Надя, едва избежавший тюремного заключения, объявил о «ренессансе марксизма». Гуманистический марксизм его учеников, особенно А.Геллер и Георга Маркуша (основателей так называемой Будапештской школы) был очень влиятелен среди университетских студентов. Целое новое поколение радикалов и марксистов появилось под их влиянием. Среди них были многие будущие диссиденты или критически мыслящие интеллектуалы 70-х, такие, как философы George Benczke и Janos Kiss (когда они начали отходить от марксизма, они вдвоем под одним псевдонимом написали работу, имевшую большой эффект - «К восточноевропейскому марксизму»), бывший маоист Miklos Haraszti (который в свою постмаоистскую эпоху «демократического диссидентства» написал великолепную работу «Рабочий в рабочем государстве»), Tamas Bauer, ставший в 70-е гг., возможно, наиболее радикальным экономическим реформатором, и социолог Pal Juhasz.

Впоследствии опубликованная автобиография Zoltan Zsille, еще одного члена этой когорты, показывает, сколь крайне амбициозными были эти молодые люди, как полны они были решимости быстрее достичь вершины. Дело не в том, что они были карьеристами: они не были таковыми, а если и были, то не в большей мере, чем любая иная группа молодых интеллектуалов. Эти венгерские интеллектуалы, окончившие вузы в 60-е гг., были этически мотивированы в своем карьеризме. У них был миссионерский настрой. Они хотели вести общество к просвещению, рациональному, гуманистическому и явно социалистическому будущему. В университетах они поставили Лигу молодых коммунистов под свой контроль, поскольку были неудовлетворены старой гвардией, казавшейся им компанией карьеристов-бюрократов или, говоря словами Alvin Gouldner, «бюрократами старого образца». Многие из них вступили в коммунистическую партию, потому что хотели изменить ее, забрать власть из рук безнадежных бюрократов-консерваторов и провести реформу общества через реформу партии. Gouldner называет это «планом нового класса интеллектуалов-гуманистов», а их попытки «подсидеть бюрократов-консерваторов», по его мнению, точно выражают устремления радикальных, марксистских, коммунистических философов, экономистов и социологов 60-х гг.

Хотя я меньше знаком с интеллектуальной средой Польши, Чехословакии или Восточной Германии, но из того немногого, что я знаю, видно, что в Венгрии ситуация отличалась не очень сильно. Ренессанс марксизма в Польше был, вероятно, даже более сильным, чем в Венгрии. Лешек Колаковский, Адам Шафф или Зигмунт Бауман не были так уж отличны от Agnes Heller, Georg Markus или Andras Hegedus.

Молодые польские радикалы были весьма похожи на венгерских как с точки зрения своего интеллектуального профиля 60-х гг., так и своего сдвига к диссидентству. Наиболее известные примеры - это, конечно, Я. Куронь и К. Модзелевски. До того как они стали антикоммунистами и отвергли партию в 70-е гг., они также пытались быть с партией, реформировать ее изнутри, замещать бюрократов-консерваторов людьми, подобными себе, настоящими интеллектуалами. Вероятно, не будет преувеличением, если объяснить отсутствие симпатии польских рабочих к радикализму студентов и интеллектуалов в феврале 1968 г. сближением, происшедшим между интеллектуалами и партией. Возможно, что для польских рабочих этот радикализм представлялся внутренней драчкой различных групп интеллектуалов, не имевшей к рабочим никакого отношения.

Отличается ли история реформистского движения в Чехословакии, начавшегося где-то в 1963-64 гг.? Большинство идеологов и участников «Пражской весны» признали бы, что их движение за социализм с человеческим лицом было движением сверху. Это была борьба между реформированными и нерепформированными коммунистами. Это было движение интеллектуалов. Реформированные чешские коммунисты-интеллектуалы, вдохновленные своим собственным марксистским ренессансом, представленным Karel Kosik и другими, верили, что им надо взять на себя ответственность за коммунистическую партию, устранить коррумпированных бюрократов-консерваторов и вести общество, вдохновленное гуманизмом и демократией, к социалистическому будущему, которое можно предвидеть с помощью марксизма, а для многих - и марксизма-ленинизма (В 60-е годы Ленин, ленинизм и авангардная партия все еще были «священной коровой» для восточно-европейских идеологов-интеллектуалов - не только конформистов, но и реформаторов).

Еще меньше, чем о Польше и Чехословакии, я знаю о Восточной Германии. Однако если бы я писал историю последней, то одной из тем, привлечших мое внимание, стал бы флирт интеллигенции с партией и бюрократией, а также успех восточногерманского режима в развитии образа динамического, научно и технологически развитого общества в

глазах не только западных левых, но и до некоторой степени - внутри страны. Вероятно, путь нового класса в Восточной Германии был не такой, как в Венгрии, Польше и Чехословакии. Его путь к власти не только начался позже и длился (если не считать Венгрию) дольше, но ренессанс марксизма в Восточной Германии был значительно более ограничен. Он имел место скорее в науке и технологии, чем в философии. Восточная Германия не имела Лукача, Колаковского, Котика и даже Геллер.

Символом восточногерманских коммунистических реформ были ученые Robert Havemann и Rudolf Bahro. Последний был промышленным менеджером, а в 60-е гг. - убежденным молодым коммунистом, сочетавшим изучение марксистской политической экономии и современного менеджмента с сочинением прокоммунистических стихов. В конце 70-х гг. он стал наиболее известным диссидентом. История Havel-Bahro является показателем того, что новый класс сближался с властью и в Восточной Германии также, будучи вдохновленным идеями научного социализма и научно-технической революции. В отличие от венгерских прагматиков, которые стали приходить к осознанию роли рынка, восточногерманские реформаторы хотели преодолеть неэффективность сталинской волюнтаристской экономической политики посредством более «научного» и рационального планирования, более «рационального распределения».

Книга Баро «Альтернатива в Восточной Европе» - интересное отражение этого проекта нового класса или, точнее говоря, его крушения. Она выразила разочарование интеллектуалов, которые некоторое время верили, что возможно научное реформирование социализма, и которые в конце концов поняли, что восточноевропейскую бюрократию невозможно сдвинуть с места. Некоторые из нас резко реагировали на те места в книге Баро, в которых мы видели скрытый ленинизм или интеллектуальный авангардизм. Мы думали, что он предложил новую версию классовой теории, где центральное место занимали интеллектуалы, а социализм рассматривался как возможный только тогда, когда все станут интеллектуалами. В книге Баро мы чувствовали раздражение технократически настроенных восточногерманских менеджеров как некомпетентными бюрократами старой школы, так и ленивыми и не очень сообразительными рабочими.

В определенном смысле книга Баро «Альтернатива в Восточной Европе», как и наша работа «Интеллектуалы на пути к классовой власти», была посвящена пути класса интеллектуалов к власти в условиях зрелого социализма. Однако если мы были ироничны и критически относились к такой перспективе, то Баро ее поддерживал. Для нас к началу 70-х гг.

Восточная Европа слишком быстро приближалась к классовому господству интеллигенции; с точки зрения Баро, интеллектуалы добиваясь влияния слишком медленно, не вытесняя старую бюрократию достаточно быстро. Если судить по книге Баро, по его биографии и популярности его идей, то восточногерманское «чудо» не было продуктом только для экспортного потребления. Значительная часть восточногерманской технократической интеллигенции, видимо, быстро забыла унижение, нанесенное ей возведением Берлинской стены. Вдохновленная духом научно-технической революции, она поддержала в конце 60-х гг. технократический проект движения к власти нового класса.

Однако было бы большой ошибкой чересчур сильно подчеркивать уникальность восточногерманского опыта и противопоставлять его «научный» проект «философским» проектам в других странах Восточной Европы. Прежде всего, толчок к сближению бюрократии и интеллектуалов был, вероятно, дан со стороны Советского Союза, отвергнувшего сталинский волюнтаризм в планировании экономики в хрущевский период и запустившего спутник. В то время, как сталинизм был волюнтаристичен, эпоха, начатая Хрущевым, - научно обоснована. Согласно хрущевской идеологии, капитализм анархичен, социализм же означает научное планирование. Даже первые годы брежневской эры не изменили этого подхода. В течение 60-х гг. фундаментальные экономические реформы в Советском Союзе казались не только возможными, но и уже надвигающимися.

Ориентированный на рынок реформатор венгерского типа, как оказалось, проиграл не бюрократам-консерваторам, а сторонникам экономической рационализации. Приверженцы научного планирования категорически отвергли идею, согласно которой экономическая рационализация требует от плановиков оставить экономику и дать простор силам анархии; они были уверены, что, будучи вооруженными последними достижениями науки, компьютерами, математическими моделями, они смогут лучше рынка добиваться снижения затрат, отходов, максимизировать экономический рост. Для большинства (даже в Советском Союзе) идея научного планирования и научно-технической революции вышла на первый план. Замена старых бюрократов новым поколением технически образованных кадров казалась неизбежной. В конце концов Брежнев сам имел инженерное образование, а в первый период его правления шел быстрый приток образованных инженеров на должности в аппарате власти.

Дух научно-технической революции не ограничивался Восточной Германией и Советским Союзом. Он играл заметную роль и в остальных

регионах. Наиболее влиятельный идеологический манифест этого типа был написан чешским реформатором-коммунистом Radovan Richta (хотя он быстро предал свой реформистский коммунизм и присоединился к господствовавшему бюрократическому сословию, восстановившему свою гегемонию после августа 1968г.). Работа Richt'a «Цивилизация на перепутье», мощная апология научно-технической революции и призыв к новому мировому порядку, в котором ни алчные капиталисты, ни некомпетентные бюрократы не смогут помешать компетентным и бескорыстным экспертам делать свое дело и управлять обществом, была Библией восточноевропейского нового класса 1968 года. Она была быстро переведена на несколько языков и стала, например, в Будапеште, бестселлером.

Я помню, насколько популярной была идея «правления экспертов» среди интеллектуалов того времени - не только среди гуманитарной, но и технической интеллигенции. Мой опыт показывает, что техническая интеллигенция, например молодые инженеры, были не столь оптимистично настроены относительно марксизма и идеологии, как молодые радикалы из философов и социологов. Они были менее склонны называть себя «коммунистами» или «марксистами», стараясь обычно остаться вне партии до тех пор, пока это не начинало вредить их карьере. Они даже критиковали «социализм», но наиболее типичная критика, которую я слышал, состояла в следующем: «Социализм - чудесная система. Единственная проблема заключается в подборе людей. Если бы все люди были на своих местах, это был бы лучший режим на земле». Идея отбора была доминирующей темой. В то время, когда Конрад и я писали «Интеллектуалов на пути к классовой власти», мы думали, что это означает только то, что система могла бы быть хорошей, если бы интеллектуалы имели власть. Единственная проблема социализма состояла в том, что не интеллектуалы были у власти.

Параллельно с легитимизацией послесталинского режима посредством идеологии марксизма как науки и научно-технической революции интеллектуалы двигались к центру власти и рычагам управления. Частично они приглашались старыми бюрократами, которые вдруг утратили свою самоуверенность; частично они захватывали власть, несмотря на сопротивление кадровой элиты. Происходили сближение и разрядка напряженности, но это была также и борьба. Борьба особенно выходила на первый план в венгерском (и я полагаю, что в чехословацком и польском также) реформаторском движении конца 60-х гг. Комитеты по проведению реформ начали перепланировку страны с самого начала. Эти комитеты имели дело не только с экономикой в узком смысле этого

слова (хотя в центре внимания была реформа так называемого хозяйственного механизма). Группы экспертов были заняты перестройкой социальной политики, распределения жилья, школьной системы, управления регионами. Команды, включавшие в себя архитекторов, экономистов, социологов и даже философов, должны были решать, какое село будет расти, а какое слишком мало, слишком изолированно и поэтому должно исчезнуть с карты.

Мечта об обществе, управляемом социальной инженерией, реализовывалась. Именно это означал «марш интеллектуалов к власти». Они еще не имели власти, но чувствовали ее, шли к ней. Гуманитарная интеллигенция и интеллектуалы-технари сливались. Gouldner считал, что это признак формирования класса высокообразованных. Однако это слияние совсем не было гармоничным. Гуманитарная, идеологическая интеллигенция время от времени трусила, опасаясь быстрого продвижения вперед технарей, и начала возражать против излишней «оптимизации» и недостаточной «гуманизации», против «социальной инженерии» и «позитивизма», против недостаточно сознательного выбора ценностей, вытекающих из целостных философских систем. Можно написать восхитительный рассказ о довольно шизофреническом отношении реформистского крыла интеллектуалов-гуманитариев к своим союзникам-технократам. Однако по крайней мере до 1968 г. это были «семейные ссоры».

К концу десятилетия идеологи, философы и социологи представляли собой периферийный, маргинальный фактор формирования класса интеллектуалов. Даже в Венгрии именно технократы составляли ядро этого процесса, и главные сражения происходили между технократами и бюрократами старой школы.

Эта борьба имела широкий характер и затронула фактически все сферы жизни. Один красочный и интересный эпизод борьбы был описан в статье Pal Juhasz, посвященной появлению инженеров в венгерских колхозах. Коллективизация сельского хозяйства произошла в Венгрии относительно поздно - в 1960 г. Венгерский режим, извлекая уроки из событий 1956 г., действовал осторожно и старался не допускать такого отчуждения крестьян, как в начале 50-х гг. или в России в начале 30-х.

Одной из важных уступок режима было терпимое отношение к среднему и даже крупному крестьянству, так называемым «кулакам». Организаторы колхозов не только не преследовали их, но и старались привлечь наиболее уважаемых фермеров на свою сторону. Они не возражали против избрания последних председателями только что созданных колхозов. К середине 60-х гг. многие венгерские колхозы

оказались под контролем новой кадровой элиты - прежних преуспевающих фермеров, ставших теперь менеджерами-бюрократами. Они-то в основном и контролировали венгерское сельское хозяйство.

В это же время сельскохозяйственные колледжи начали подготовку специалистов по управлению социалистическими латифундиями. Их стали выпускать с 1965 г., вооружая техническими знаниями и убеждением в том, что их миссия - это доказать превосходство крупного индустриализированного социалистического агропредприятия над капиталистической фермой. Они не особенно задумывались о крестьянских председателях, которые были в колхозах, поскольку были убеждены, что эти кадры в своей массе некомпетентны и могут управлять лишь фермами в 10 га, а не хозяйствами в 5 тыс. га. По оценке Juhasz, к концу 60-х гг. в колхозах разгорелась настоящая классовая борьба (по нашей терминологии это, конечно, только внутриклассовый конфликт). Молодые специалисты сельского хозяйства развернули натиск с целью оттеснения старых крестьянских председателей с их должностей. Опираясь на поддержку своих университетских однокашников, работавших в территориальных органах управления сельским хозяйством, они к 70-м годам в основном поставили аграрный сектор под свой контроль.

Эти события составили историческую основу нашей книги. Наш опыт жизни при социализме был ограничен шестидесятью годами. Я окончил вуз и получил первую работу в 1960 г. В Институт социологии Венгерской академии наук я был принят в 1963 г. Я работал с наиболее выдающимися интеллектуалами-реформаторами и читал все, что они писали. Мы проводили исследование для органов городского планирования и обслуживали комитеты по подготовке реформ. В партийной академии и институте социальных исследований при ЦК венгерской компартии я преподавал молодым студентам, которые либо хотели реформировать партию изнутри, либо стремились сделать карьеру, присоединившись к ней. Там же я учил бюрократов старой школы, которые хотели конкурировать с молодыми выпускниками университетов, поднабравшись немного научных знаний. Мне доводилось ездить в Прагу, Брно, Братиславу, Варшаву, Краков, Берлин, Дрезден, Москву и Ленинград (я совершал каждый год несколько поездок в «братские страны»). И повсюду я оказывался в той же среде, встречался с одними и теми же характерами. Конрад и я старались выудить из «эмпирического» материала и данных опросов выводы относительно неравенства среди рабочих, крестьян, интеллектуалов и аппаратчиков.

Мы, вероятно, в определенных отношениях делали необоснованные обобщения нашего опыта и слишком прямолинейно экстраполи-

ровали их на будущее. Но и через десять лет я не изменил своего убеждения: в 60-е гг. не только в Венгрии, но и в ряде других восточноевропейских стран интеллектуалы были на пути к классовой власти. Поскольку в послесталинскую эпоху общества советского типа искали свой новый образ, а бюрократы-консерваторы ослабили свою хватку на руле власти, то они шли на то, чтобы поделиться властью с интеллектуалами, захваченными идеями научного планирования, научно-технической революции и марксизма как науки. Интеллектуалы, в свою очередь, были готовы к такому партнерству, были готовы вести остальную часть общества к социалистическому будущему, проектирование которого являлось их монополией.

Но я должен признать, что в течение последующего десятилетия новый класс потерпел существенные неудачи во всех странах региона. В 1986 г. восточноевропейские интеллектуалы оказались дальше от своих позиций, которые они имели в 1965 или 1975 гг. Интеллигенция не слилась с бюрократией.

Неудача нового класса

В прогнозировании будущей эволюции восточноевропейской социальной структуры мы сделали две большие ошибки. Отмечая обеспокоенность сталинской бюрократии восхождением интеллектуалов к господствующим позициям и тщательно анализируя их «контрнаступление», мы верили, что бюрократическое сословие будет достаточно разумным и откажется от своей гегемонии, пойдет на сделку с технократией, которая могла спасти государственный социализм и саму бюрократию. Мы ошиблись. Бюрократия оказалась упрямой и проявила меньше желания поделиться властью, чем мы предвидели.

Более того, произошло крупное изменение в социальной структуре государственного социализма, этого мы не могли представить в 1975 г.

Начиная с 1975 г. и особенно с 1978-79 гг., венгерский режим сделал большие уступки мелкому частному бизнесу как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. В результате к середине 80-х гг. система социальной стратификации основательно изменилась. Всего за несколько лет до этого она могла быть достаточно точно описана как одномерная иерархия, в которой власть и привилегии раздавались согласно позиции в бюрократической распределительной системе. Но в дальнейшем эта система была дополнена второй иерархией, в которой неравенство формировалось рынком. Вторая элита, «позитивно привилегированная»

на рынке, стала возникать и набирать силу. Венгрия, возможно, единственная страна в Восточной Европе (исключая сложный югославский вариант), где такое развитие имело место...

Упрямство бюрократии

Первая разрушительная неудача постигла новый класс в 1968 г.: сначала в Варшаве, затем - в Чехословакии. В обоих случаях бюрократическое сословие контратаковало и показало интеллигенции, что оно не желает отказываться от своей гегемонии. В период работы над «Интеллектуалами на пути к классовой власти» мы думали, что это был только относительно краткосрочный «политический цикл» консерватизма. Тогда прошло лишь 5-6 лет после вторжения в Чехословакию, и мы полагали, что чешская бюрократия и интеллигенция в конце концов придут к миру точно так же, как в Венгрии, где потребовалось время, чтобы забыть 1956 год. Развитие событий показало, что мы ошиблись. И через двадцать лет Чехословакия оставалась замороженной в новом бюрократическом ледниковом периоде, в серости, которую некоторые люди называли «неосталинизмом».

Новый класс пролил много крови в Польше в марте 1968 г. Польские бюрократы смогли удержать более крепкий контроль, чем их чешские коллеги, и им не потребовались советские танки для своего спасения. Они нейтрализовали рабочий класс и даже получили некоторую символическую его поддержку своим антиинтеллигентским и антиеврейским действиям. Они изгнали из Польши тысячи интеллектуалов, имевших как профессиональные навыки, так и готовность служить делу социализма, проводя рационализацию экономической и политической систем. Поражение, понесенное интеллигенцией в Польше в те месяцы от рук старой бюрократии, оказалось почти фатальным; слишком много интеллектуалов, которые могли бы сформировать ядро нового класса, были вынуждены отправиться в изгнание. Остальные - главным образом не евреи, оставшиеся в стране - были нейтрализованы. Желая после падения Гомулки предложить бюрократическому сословию еще один шанс, они, как мы далее увидим, оказались слишком слабы и слишком неустойчивы, чтобы быть в состоянии разделить гегемонию. В 70-е гг. инициатива проведения экономических и политических реформ выскользнула из рук интеллигенции и перешла к рабочим.

Еще более тотальной была конфронтация между реформистской интеллигенцией и бюрократическим сословием в Чехословакии. Вероятно

потому, что чешская бюрократия была слабее и сильно расколота, многие представители аппарата проявили нелояльность и готовность сотрудничать с интеллектуалами. Вторжение в Чехословакию было обусловлено, конечно, прежде всего интересами советской империи. Решение о вторжении было принято не осажденным чешским аппаратом, а советской бюрократией, которая действовала, исходя из интересов как империи, так и своей собственной борьбы с реформистски настроенными технократами внутри Советского Союза. Ни при каких обстоятельствах я не могу поверить утверждению советского руководства, что они были «приглашены» чехословацкими «товарищами» спасти их от контрреволюции. Но как показали последующие события, весьма небольшая часть прежней аппаратной элиты утешилась, увидев Чехословакию вернувшейся на прежний путь и к прежней структуре власти, в которой она господствовала. С моей точки зрения, эта весьма слабая, внутренне расколотая и, вероятно, не очень многочисленная чешская кадровая элита разгромила интеллектуалов более основательно, чем это сделал Гомулка в Польше. С 1968 г. чехословацкая интеллигенция оказалась в основном во внешней и внутренней эмиграции. Она, кажется, решила, что Пражская весна - это иллюзии, за которыми невозможно, да и не стоит гнаться. В 70-е и в начале 80-х гг. чешская бюрократия не хотела делить власть с интеллигенцией, а последняя и не стремилась к этому. Путь интеллектуалов к власти был прерван. Страна была заморожена в неосталинизм, экономический застой и политический тоталитаризм.

Для того чтобы понять, что польские бюрократы оказались такими же негибкими, как и их чешские коллеги, потребовалось больше времени. 70-е гг. были чудесным для Польши десятилетием. После прихода к власти Герека казалось, что движение реформ, прерванное двумя годами ранее, может продолжиться. В первой половине десятилетия польская экономика была полна динамизма. Но в конце концов проявилась негибкость бюрократии. Польская аппаратная элита систематически саботировала планы экономических реформ и преуспела в отчуждении (вероятно, в 1980-81 гг. уже бесповоротно) той нееврейской части интеллектуалов, которые хотели поддержать второй план польской индустриализации Герека. Просто удивительно, как мало эта кадровая элита почерпнула из кризиса экономики и легитимности в своей стране. Генерал Ярузельский не производил впечатления радикального реформатора, но даже его неясные попытки ввести немного больше технократической рациональности в систему были блокированы аппаратом и политической полицией в 1981 г., а также после отмены

военного положения. Можно гадать относительно того, против кого Ярузельскому понадобилось военное положение: против его партийного аппарата или «Солидарности». Но если он имел намерение подчинить партийных консерваторов дисциплине, то в этом деле он был столь же неудачлив, как и в принуждении «общества» к подчинению. В своем недавнем анализе военного положения Адам Шафф, один из немногих оставшихся реформистски мыслящих интеллектуалов 60-х гг. и поклонник кадаровского способа разрешения проблемы, интерпретировал Ярузельского как центриста, утверждая, что он хотел бороться как против партийных консерваторов, так и радикалов «Солидарности». Из беспощадной критики Шаффом польского партаппарата и его более позитивной оценки роли военных следует, что главная ошибка Ярузельского состояла в том, что он не распустил партию после введения военного положения, как это сделал Кадар 4 ноября 1956 г., после второго советского вторжения в Венгрию. Это позволило Кадару избавиться от сталинистской оппозиции внутри партии (в подходящее время Кадар сокрушил также оппозицию и в политической полиции). Ярузельский не мог вырваться из политического тупика, куда она была загнана своей бюрократией, потому что он оказался недостаточно силен или решителен для чистки аппаратной элиты и секретной полиции.

Когда летом 1982 г. мне впервые было позволено вернуться в Венгрию после семи лет своего рода изгнания, я был удивлен, как далеко венгерская интеллигенция продвинулась по польскому пути. Несомненно, что в 70-е гг. венгерская кадровая элита оказалась в Восточной Европе самой гибкой, широко мыслящей, реформистской и склонной к компромиссу с бюрократией. Многие мои приятели из среды венгерских интеллектуалов становились все более нетерпеливыми, их раздражала тактика аппарата, действовавшего по принципу "шаг вперед, два шага назад". Ярлык «интеллектуал-реформист», имевший в 1975 г. позитивный характер, приобрел иронический, критический оттенок. В ходе визитов в Будапешт в последующие три года я почувствовал, что иллюзии рассеиваются и растет сомнение в способности системы к реформированию.

Одной из причин этой постепенной утраты иллюзий было то, что венгерская кадровая элита, несмотря на свою общую гибкость, также едва волочила ноги по «пути к классовой власти интеллектуалов». Почти сразу после введения в действие в 1968 г. так называемого нового экономического механизма, некоторые элементы внутри аппарата, часть высших профсоюзных бюрократов и мощная группа внутри партии, возглавляемая Bela Biszku (тогда явный преемник Кадара), вероятно,

пользовавшаяся симпатией офицерского корпуса политической полиции, начали атаки на реформу, обвиняя ее в распродаже социализма, и на либеральную интеллигенцию, обвиняя ее в неподчинении партийной дисциплине. То, что мы в своей книге «Интеллектуалы на пути к классовой власти» назвали «контрнаступлением правящего сословия», видимо, было причиной нашего падения, заключения и изгнания. Консерваторы из партии, профсоюзов и полиции старались заполучить себе народную поддержку, нападая на реформу и на наиболее радикальную часть реформистской интеллигенции от имени пролетариата. Они использовали прорабочую демагогию, утверждая, что реформы усилят социальное неравенство между интеллектуалами и рабочими, рабочими и крестьянами. Они, таким образом, претендовали на роль защитников скорее рабочего класса от реформ и интеллигенции, чем собственного политического господства.

Прорабочая оппозиция добилась большого влияния в 1972-75 гг. Она преуспела в свертывании некоторых направлений реформы... Она приняла также меры против более радикального крыла реформистской интеллигенции. Но между 1975 и 1977 гг. она потерпела несколько поражений. Крестьяне сразу же отреагировали на ограничение их рыночных свобод: ухудшилось снабжение продовольствием городских рынков. Либералы внутри партийного руководства смогли это использовать против своих противников как свидетельство их политической некомпетентности. После этого обнаружилось, что Biszku интригует против Кадара в Москве. В результате всего этого Biszku и его ближайшие союзники лишились политически важных постов.

Поражение прорабочей группы сразу же открыло двери для второго раунда реформ. После 1978-79 гг. экономика свернула на путь реформ, а реформистская интеллигенция приступила к подготовке «второй реформы» - более радикальной, чем первая, и уже затрагивающей политическую власть.

В результате разочарования второй реформой мои приятели-интеллектуалы избавились от своих иллюзий. К 1982-83 гг. прорабочая оппозиция частично восстановила свои силы и вновь начала огонь против реформаторов. Andrea Szego, ставший главным теоретиком прорабочей оппозиции, подошла вплотную к тому, чтобы обвинить реформаторов в стремлении привести к власти интеллектуалов. Она разработала политическую стратегию союза аппаратных интеллектуалов с рабочим классом против эгоистичного слоя интеллектуалов-технократов...

В 1975 г. я думал, что реставрация капитализма в Восточной Европе была невообразима, и я был уверен, что никто из реформаторов

этого не хотел. Сейчас я уже не знаю. В ответ на мои вопросы венгерские друзья и коллеги дают три варианта ответов, но ни один из них не является утешительным для противников реставрации капитализма. Один из наиболее радикальных молодых экономистов с улыбкой сказал: «Да, единственное решение - это капитализм. Социалистическая экономика никогда не работала и никогда не будет работать». Я не могу припомнить такие речи до 1975 г.... Менее радикальный экономист более солидного возраста покачал головой и сказал: «Это идеологический вопрос! Какая разница? Разве это имеет значение?» Экономисты старшего возраста, немногие из тех, кто называет себя социалистами, при этом вопросе теряли, как и я, уравновешенность и отвечали, что никто не может предвидеть. «Кто знает? Можем мы реставрировать капитализм или нет, но у нас нет выбора. Мы должны идти вперед по пути рыночных реформ, которые устроят распределение и бюрократическую координацию как сердцевину экономики. Мы пробовали по-другому, но ничего не получалось».

Поскольку я не верил, что распределительная экономика неработоспособна в принципе, а рынок - единственный рациональный путь экономической координации, то я возлагал вину на негибкость бюрократии, которая самоубийственно саботировала реформу, подрывая этим механизм, от которого зависело ее собственное выживание.

Такое упрямство со стороны чешской, польской или даже венгерской бюрократии связано с процессами, протекавшими в Советском Союзе. Русские танки сокрушили Пражскую весну. Многие из нас верили, что они сделают то же самое и в Польше, если польская армия не согласится сделать эту грязную работу сама. И венгерская прорабочая оппозиция не могла рассчитывать на многое без своих друзей в Москве. (Они, конечно, не пошли бы далеко, если бы зависели от голосов избирателей). И если мы хотим понять, почему не удался приход нового класса к власти в Восточной Европе, мы должны знать, что происходило с ним в СССР.

К сожалению, я не готов ответить на этот вопрос. У меня нет знаний, необходимых для этого. Ограничусь лишь краткими тезисами. Процесс, напоминающий путь нового класса к власти, терял почву в течение периода, охватывающего последние годы правления Хрущева и первые - Брежнева. Шли годы, и неосталинистский характер брежневского режима усиливался, власть бюрократов старой закалки укреплялась. Этот сдвиг назад в пользу старой бюрократии, возможно, начался в 1968 г., когда было принято решение о вторжении в Чехословакию. Почти наверняка он продолжался вплоть до андроповского режима.

Только будущее покажет, внес ли Андропов изменения в этот процесс и стал ли Горбачев его продолжателем, придет ли новый класс к власти, или наоборот - Горбачев окажется наследником позднего Брежнева и новым царем неосталинистского государства. Но что бы ни случилось в России, в любом случае это будет иметь решающее значение для изменения или сохранения классовых отношений в остальной Восточной Европе.

Уступки частному бизнесу и двойная система социальной стратификации

В то время как реформа в государственном секторе экономики двигалась вперед черепашьями темпами (если вообще двигалась), с 1970 и особенно с 1978-79 гг. венгерский режим начал делать очевидные уступки частному бизнесу, сначала в сельском хозяйстве, а затем - и во всех секторах экономики. Щедрость была проявлена вовремя. Где-то в 1979г. экономика Венгрии, как и других стран Восточной Европы, оказалась в трудном положении. Венгрия наделала много долгов, и с ростом процентных ставок бремя их выплаты стало тяжелее. Страна начала задыхаться. Темпы экономического роста приблизились к нулю (как и в целом в регионе), а выплата долгов стала возможной лишь при условии замораживания уровня жизни. После 1979 г. реальная зарплата стала даже слегка уменьшаться.

По ряду показателей положение Венгрии было не лучше, чем Польши или Румынии. Но в то время, как в Польше развертывалась революция, разрушалась экономика и рабочий класс брал дело в свои руки, а Румыния скатывалась в состояние депрессивной военной экономики (с нормированным распределением всех основных товаров и усилением полицейского контроля), в Венгрии процветал «коммунизм массового потребления». Венгерские рабочие в отличие от своих польских товарищей не были заняты посещением профсоюзных собраний, участием в забастовках и не были озабочены экономическим положением своих предприятий. Наоборот, они не могли понять, почему польские рабочие так интересуются профсоюзами. То, что происходило на предприятиях, имело для венгерских рабочих слабое значение. Для многих из них жизнь начиналась после окончания рабочей смены, когда они покидали первую экономику и входили во вторую, где можно было заработать реальные деньги. В начале 80-х гг. происходило венгерское экономическое чудо: в то время как реальная зарплата

уменьшалась, жизненный уровень рос; принося домой все уменьшающуюся зарплату, люди покупали все больше товаров.

По мере того как расширялась вторая экономика, все больше людей получали доходы на рынке. Хотя статистика второй экономики очень недостоверная, многие комментаторы сходятся в том, что около 70% венгерских семей в начале 80-х гг. получали доходы вне распределительной экономики. Для подавляющего большинства источником доходов второй экономики было производство сельхозпродукции на семейных участках и работа по совместительству, что составляло только часть совокупного дохода, формировавшегося за счет зарплат (приблизительно 10-20% совокупного дохода шло из этих источников).

Большинство людей было вовлечено лишь в мелкие операции: производство овощей на приусадебном участке, откорм одной-двух свиней, ремонт телевизоров у соседей или строительные работы в выходные дни и во время отпуска. Небольшое, но заметное меньшинство семей, наоборот, пользовалось либеральными нормами, регулировавшими частную экономическую деятельность. Примерно 10-15% семей (половина из них в сельском хозяйстве и половина - в обслуживании, торговле, а позже - и в промышленности) начали строить маленькие, но ориентированные на накопления семейные предприятия, дававшие основную часть совокупного семейного дохода.

Обычно это предпринимательство развивалось по совместительству. Мужчина, глава семьи, сохранял работу в распределительном секторе для подстраховки против непредсказуемой политики государственного социализма, а жена могла оставаться дома и вести домашнюю ферму. Инвестиции в такое предприятие могли быть не столь впечатляющими: 1-2 миллиона форинтов (\$ 20,000-40,000). Но, с другой стороны, это - эквивалент 20-30-летней зарплаты среднего промышленного рабочего. Таким образом, темп накопления весьма впечатляющий. Наиболее удачливые предприниматели, особенно в торговле, могли удваивать свое состояние каждый год. Например, человек, считающийся самым богатым венгерским предпринимателем (владелец сельского скобяного магазина), сейчас имеет фондов на 100 млн. форинтов. По оценкам экспертов, несколько дюжин семей имеют фонды на десятки миллионов форинтов. Почти все это богатство накоплено в течение последних 10-15 лет. При таких быстрых темпах накопления капитала (при условии необратимости правительственной политики в сторону ортодоксии) можно уверенно прогнозировать, что в течение последующих 5-10 лет появится новый слой или класс мелких частных предпринимателей, занятых своим делом уже не по совместительству,

нанимающих наемных рабочих. Это удивительное возникновение второй иерархии социального неравенства заметно в венгерских селах и даже в городах, например в строительстве роскошного жилья. Путешествуя по сельским районам Венгрии летом 1983 и 1984 г., я заметил, что в течение нескольких лет появились новые двухэтажные дома в стиле вилл (традиционно даже жилища высокого качества имели лишь один этаж). Когда я спрашивал о том, чем занимаются владельцы этих вилл, я систематически получал два списка позиций. В первом были представители местной кадровой элиты: председатели колхозов или местного совета, партийные секретари, директора школ, врачи или ветеринары; в другом - удачливые фермеры-предприниматели, работающие по совместительству, огородники, ежегодно производящие ранний перец и помидоры в теплицах, производители свинины, крупного рогатого скота, мастера, ремонтирующие телевизоры, автомеханики, имеющие свои мастерские и т.д.

Правда, мелкие частные бизнесмены и частные фермеры были в Венгрии даже при сталинизме, но в прошлом они доводились до обнищания чрезмерными налогами. Если же, используя коррупцию, они и зарабатывали большие суммы, то все равно скрывали свое богатство. Теперь ситуация изменилась радикально. Сегодня появилось большое число предпринимателей, которые, раздражая кадровую элиту, зарабатывают значительно больше, чем большинство интеллектуалов или людей из аппарата и которые с некоторой самоуверенностью демонстрируют, чем они владеют, создавая при этом впечатление, что в середине 80-х г.

карабкание вверх по бюрократической лестнице, получение соответствующих регалий, вступление в партию и угодничество перед начальством не являются в венгерском обществе исключительными путями наверх. Вы можете достичь этого и на рынке.

У меня нет сомнения, что наиболее важным событием в венгерской жизни последних десяти лет стало возникновение этой второй системы социальной стратификации. Этот процесс мои венгерские коллеги, особенно диссиденты, не без гордости часто называют «обуржуазиванием» (*polgarosodas*) или даже «социалистическим обуржуазиванием». Венгерский термин «*polgar*» или «*polgarosodas*» имеет весьма неопределенное значение. Он означает «буржуа» и «гражданин» (лучший перевод - это, вероятно, «бюргер»). Поэтому можно говорить о «*polgarosodas*» или «обуржуазивании», не имея в виду реставрации капитализма. Даже социалистическое обуржуазивание в принципе возможно. Значение этого нового предпринимательства состоит в том, что многие венгры добились автономии от бюрократически-распреде-

лительной системы. Люди, находящиеся в процессе обуржуазивания, становящиеся предпринимателями, уже не смотрят на государство как наемный работник на работодателя. Они становятся налогоплательщиками, гражданами. Они начинают создавать гражданское общество, относительно автономное от государства.

Я уверен, что успех, необычно высокий уровень популярности, политическая и экономическая стабильность кадаризма в течение прошлого десятилетия явились результатом прежде всего открытия (или нового открытия) пути обуржуазивания. Некоторые венгерские социологи, например Pal Juhasz, утверждают, что наблюдаемый нами сейчас процесс уже имел место, хотя и с запозданием, перед Второй мировой войной и в период большого всплеска 1944-48 гг. и был прерван примерно в 1949 г. Возврат к этому процессу обуржуазивания спас венгерский режим как в экономическом, так и в политическом, и в социальном отношениях.

Небольшое сравнение Польши и Венгрии может быть уместно здесь. Венгерские распределители использовали займы не более эффективно, чем их коллеги в других восточноевропейских странах; они делали те же ошибки, что авторы плана второй индустриализации в Польше. Авторы венгерских планов вложили слишком много средств в строительство нефтехимических предприятий по переработке советской нефти, которая быстро подорожала и стала продаваться за твердую валюту. В то же самое время насыщение мирового рынка нефтепродуктами означало, что он закрыт для венгерской продукции. Другое «великое» решение в области планирования - реконструкция сталелитейной промышленности в стране без существенных запасов железной руды и в период падения спроса на сталь. Эти инвестиции не позволяли расплатиться с долгами.

Но тем не менее венгерская экономика была в лучшем положении, чем польская, не потому, что венгерские инвестиции были более эффективные, а потому, что здесь инвестировалась меньшая доля займов. Займы использовались для приобретения потребительских товаров, позволявших поддерживать баланс между спросом и предложением. Снабжение товарами было достаточным для того, чтобы поглотить доходы, возросшие за счет второй экономики. В то время как первая экономика едва ковыляла, вторая продолжала расти и определенным образом компенсировала неэффективность перераспределительного сектора.

Социальные и политические последствия этой политики были не менее важны. Правительственные отчеты о развитии экономики были

мрачны: даже национальные планы, которые должны были быть источниками оптимизма, намечали всего 2-3-процентный ежегодный прирост. Экономисты говорили о надвигавшейся экономической катастрофе. В то же время в стране происходил товарный бум. Хотя почти без исключения все экономисты, с которыми я говорил, предсказывали, что это не может продолжаться долго, люди этого не чувствовали. Фактически общее настроение отражало движение страны. Несмотря на то, что уровень жизни существенной части населения, наверное, понизился, но значимое меньшинство стало жить настолько лучше, чем прежде, что пошел процесс создания своего рода «венгерской мечты», мечты о том, что каждый, кто достаточно упорно работает и кто достаточно способен, может достичь этого же.

Я уверен, что предпринимательство и новое богатство, даваемое им, открыты только для относительно небольшого меньшинства. Не более 5 или 10 процентов сельских семей могут откармливать 100 свиней или продавать 200 тыс. фунтов цыплят в год, чтобы достичь уровня операций нормального семейного предприятия. Но дух предпринимательства может сдвигать горы. Именно это и случилось в Венгрии. Люди увидели, что их соседи или родственники вдруг стали богатыми, они стали винить себя за отставание и стараться работать больше, дольше и интенсивнее. В то время, как польские рабочие думали, что путь к лучшей жизни лежит в реорганизации их компании, венгерские рабочие выбирали более упорную работу и рыночную конкуренцию друг с другом. Таким образом, либеральная политика в отношении малого бизнеса сослужила венгерской бюрократии хорошую службу. Нет оснований считать, что венгерская кадровая элита сознательно решила поддержать частный сектор, поэтому не стоит приписывать ей эти успехи. Результат не планировался и не был следствием чьих-то намерений. Он проистекал из борьбы между элитой, ставшей более гибкой, чем элита в других странах региона, в результате уроков, которые она извлекла из ошибок бюрократии в 1956 г., и рабочими, обученными политике компромиссов в ходе долгой борьбы с бюрократией советского типа.

Эти щедрые уступки частному бизнесу дали неожиданные выгоды кадровой элите и позволили ей стабилизировать свое господство, не деля власти с интеллектуалами. По крайней мере в Венгрии движение интеллектуалов по пути к классовой власти было замедлено не только несговорчивостью бюрократии, но и консолидирующим эффектом экспансии второй экономики.

Интеллектуалы-реформаторы, конечно, сомневаются относительно того, как долго вторая экономика может спасти систему и как

долго будет откладываться реформирование первой экономики за счет мобилизации ресурсов второй. Действительно, звучит фантастично, что в современной экономике, интегрированной в мировой рынок, малый бизнес может длительное время поддерживать национальную экономику на плаву. Как сказал один авторитет в области второй экономики, «опыт последних нескольких лет показывает, что прочное решение может быть найдено только на пути реформы первой экономики».

Классовая структура государственного социализма

Следуя за Эриком Райтом, описавшим классовую структуру развитого капитализма, я постараюсь дать классовую структуру государственного социализма в период перехода к интенсивному росту. При этом Венгрия будет использована как модель.

Ключевая идея Райта состоит в том, что крупные классовые позиции в «общественной формации» детерминируются «способом производства». Исходя из этого, он описал три «базовые классовые позиции» в развитой капиталистической формации: две - в господствующем капиталистическом способе производства (капиталисты и рабочие) и одна - в подчиненном (мелкая буржуазия). Он также выделил несколько «противоречивых классовых позиций»: менеджеры супервайзеры между капиталистами и рабочими, полуавтономные наемные работники между наемными рабочими и мелкой буржуазией...

Что касается государственного социализма, то к нему как-то вообще проблематична применимость понятия «способ производства». Однако двойная система стратификации может интерпретироваться как двойная система экономической интеграции или как двойная система способа производства. Я использую термины «перераспределение» и «рынок» для обозначения двух экономических механизмов, формирующих разные системы стратификации, но я мог бы назвать «перераспределительный сектор» «государственным» или «государственным способом производства», а «рыночный» сектор - «мелкотоварным способом производства». Если говорить на языке классового анализа, то «идет процесс формирования класса новой мелкой буржуазии»...

То, что я в общих чертах описываю здесь, - это, возможно, Третий путь, который описывался восточноевропейскими идеологами от Пруссии до Польши и Венгрии, утверждавшими, что нечто уникальное есть в опыте Восточной Европы, не позволяющее ей идти ни по западному пути к конкурентному рыночному капитализму, ни остаться в заморожен-

ной в восточный, русский или азиатский этатизм. Первую группу стран они считали алчной, вторую - деспотической. Однако эти теоретики не успели в описании того, каким этот путь должен быть.

Я полагаю, что третья форма невозможна. Вероятно, Третий путь - это всего лишь жизнеспособная комбинация западной и восточной моделей - прочная, стабильная, смешанная экономика. Эволюция по этому пути с точки зрения классовых отношений может означать для Восточной Европы комбинацию рационализации государственно-бюрократического господства и власти класса интеллектуалов с элементами капиталистического развития, все же подчиненного логике перераспределения. При этом сценарии будет не господствующий капиталистический класс, а только новая мелкая буржуазия. Таким образом, после десятилетий сопротивления кадровой элиты и неожиданного подъема новой мелкой буржуазии все еще есть возможности для прихода к власти в Восточной Европе нового класса.

Мой нынешний анализ и анализ в книге «Интеллектуалы на пути к классовой власти» основаны отнюдь не на идее бесклассового общества. Хотя я нахожу «бесклассовость» привлекательной идеей, но я не представляю, как она может быть реализована в обозримом будущем. Я также убежден, что новый класс использовал эту концепцию для продвижения своих представителей к классовой власти... И это должно служить предупреждением против поспешной поддержки политических сценариев, обещающих, что бесклассовое общество уже за углом.

Относясь скептически к идее бесклассового общества, я склонен верить, что более эффективная стратегия для тех, кто занимает подчиненное положение одноклассового правления - это диверсификация классовой власти. Если старый хозяин будет заменен новым, почему бы не попробовать двух хозяев вместо одного? Эта стратегия классового альянса, с моей точки зрения, наиболее подходяща для рабочих, дает им наибольшее «политическое пространство», ибо несколько хозяев будут играть и друг против друга.

Первый вариант этой статьи был подвергнут критике Майклом Буоровым и Эриком Райтом. Они выступили против «стратегии двух хозяев» или стратегии частичной реставрации капитализма в Восточной Европе. Они полагали, что появление второго хозяина или второго господствующего класса может и не создать больше политического пространства для рабочего класса. Наиболее вероятный результат, по их мнению, будет состоять в том, что два хозяина создадут альянс против рабочих и угнетенный класс окажется при двух хозяевах в худшем положении, чем он был при одном. Я должен признать такую

возможность. В то же время я исхожу из того, что такой результат не является неизбежным. Борьба может привести и к другому- Хотя альянс хозяев явно возможен, но стратегия рабочих - не допустить этого... С точки зрения моих собственных политических ценностей, наилучший сценарий развития - это тот, при котором силы нового класса и старых классов будут уравнивать друг друга.

Перевод с английского В. Ильина

Размышления при чтении Селеньи

Б.Завьялов

Сыктывкар

Теоретические обобщения и выводы статьи Ивана Селеньи, примененные к анализу исторического опыта России, - от досоветского до постсоветского - на мой взгляд, приобретет «второе дыхание», становятся теми источниками роста, из которых могут вырасти «побеги» новых теоретических поисков в осмыслении новых социальных процессов посткоммунистической эпохи.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на одно из ключевых для его статьи понятий - бюрократии. Как-то сами собой, наверное, под натиском событий, приведших к распаду советского варианта государственного социализма, поутихли в отечественной социально-философской и социологической литературе споры о бюрократии, о ее месте и статусе в социальной стратификации советского и постсоветского общества. А может быть, дело в том, что сам ход социально-экономической и политической трансформации в нашей стране дал ответ на главный вопрос о бюрократии. Стало очевидным, что она была и остается господствующим элементом социальной структуры нашего общества. При этом не столь важно, будем ли мы называть бюрократию классом (по М.Джиласу) или сословием (как предлагает И.Селеньи).

Эта социальная сила, возвращенная в России в эпоху абсолютизма, укрепила свои позиции в конкуренции с дворянским сословием, не допустила к кормилу власти русскую буржуазию и, разбитая, казалось бы, наголову стихией большевистской революции, вновь воскресла из пепла в облике советской партийно-государственной номенклатуры.

Сегодня на наших глазах совершается ее очередное преобразование. Свернув ленинские знамена, бывшая партгосноменклатура определяющим костяком вошла в новый госаппарат и в значительной мере держит в своих руках процесс формирования новых, прежде всею крупных собственников. Так что не случайно в ряду оценок современного состояния российского общества все чаще говорят о «номенклатурной демократии» и «номенклатурном капитализме».

При любых общественных трансформациях, происходивших в России за последние двести и более лет, бюрократия сохраняла свои господствующие позиции, являла себя каким-то внесистемным образованием, постоянно действующей величиной. Возможно, дело в том, что Россия с ее обширной евразийской географией, полиэтнической целостностью и постоянным догоняющим развитием нуждалась в мощной государственной скрепе. А если к этому еще добавить восточно-деспотический элемент, присутствующий в российской генетике, и традиционно слабое развитие гражданского общества, то особая роль государственно-бюрократических структур становится для России почти неизбежной, а господство бюрократического сословия исторической данностью, переходящей от эпохи к эпохе.

В этой связи в рваном историческом ритме развития России бюрократическое сословие проявляло себя в совершенно противоположных ипостасях: то оно выступало в качестве косной, консервативной силы, то из своих рядов выдвигало инициаторов очередного реформаторского рывка. Не случайно, поэтому, реформы в России начинались, как правило, сверху, осуществлялись при определяющем влиянии государственных структур. Но в то же время не без воздействия этих структур они замедлялись и гасли на новом витке исторического развития российского общества.

Родовые черты российской бюрократии сохранила бюрократия советская, наверное, самая мощная и жадная до всеохватной власти в нашей истории. Но именно в недрах этой бюрократии под давлением вызревавшей с 50-х годов необходимости модернизации сложился слой инициаторов сначала «хрущевской», а потом и «горбачевской перестройкой».

Вместе с тем, имея в виду последнюю, следует отметить, что уже с 1988г. ее ход перестал определяться только борьбой внутри бюрократического сословия. В борьбу за социально-экономические и политические преобразования стали включаться все новые и новые социальные силы. В обществе стало широко распространяться мнение, что вот-вот будет покончено с господством партийно-государственной бюрократии

в частности и бюрократии вообще. Август 1991г. и крушение КПСС были восприняты основной частью населения как решающая победа демократии над бюрократией. Как оказалось впоследствии, это были лишь романтические иллюзии. Российская бюрократия вновь показала свои высокие адаптивные возможности. Перестроив свои ряды, прагматично обращаясь с новыми и со старыми идеологическими постулатами, опять оказавшись необходимой, она уверенно стала осваивать новые реальности российского общества, обеспечивая себе в нем значительные властные позиции.

Каковы же перспективы у этого российского сословия в ближайшем будущем? Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, стоит обратиться к еще одному сюжету статьи И.Селеньи. Я имею в виду его рассуждения об интеллектуалах. Как и в восточноевропейских странах «государственного социализма», в бывшем СССР с 60-х годов круг господствующей элиты стал обновляться. «Хрущевская оттепель» способствовала проникновению в коридоры власти интеллектуалов. Речь идет о различных группах гуманитарной и технической интеллигенции, о новых образованных практиках-управленцах. Эти люди олицетворяли тенденцию гуманизации и рационализации постсталинского социализма. Поверив в возможность либерализации политического режима и построения «социализма с человеческим лицом», они активно пытались влиять на власть. Интеллектуалы занимали должности советников и консультантов, получали назначения пусть не на самые высшие, но влиятельные посты в иерархии государственного и хозяйственного управления. Именно эти люди наряду с реформаторски настроенной частью партхозбюрократии создали тот политико-идеологический и социально-экономический задел, который был активно использован во времена «горбачевской перестройки». Думается, что эти процессы в СССР стали определяющим фактором в вызревании в Восточной Европе таких явлений, как «Пражская весна», реформистские движения в Польше и Венгрии, борьба за техническую реконструкцию социализма в ГДР.

Но, с другой стороны, именно от СССР исходил в дальнейшем консервативный поворот, прервавший движение интеллектуалов к власти, как в нашей стране, так и у ее восточноевропейских соседей. Решающую роль в этом повороте сыграла, конечно же, наиболее консервативная часть властвующей партгосноменклатуры. Она вытеснила из своих рядов наиболее опасную для себя радикально-реформистскую часть интеллектуалов и неофитов-управленцев, а остальных жестко интегрировала в свою иерархию, используя традиционную систему

обмена особых благ и привилегий на клановую лояльность и послушание. Перейдя в контрастную ситуацию в нашей стране, «старая» бюрократия нанесла поражение интеллектуалам и в странах восточноевропейского социализма, о чем пишет И.Селеньи.

Обозначенные процессы имели ряд социологических последствий, сказавшихся в исторических событиях 80 - 90-х годов. Во-первых, как уже отмечалось, реформаторско-интеллектуальный задел, хоть и прошедший через идеологическую чистку «Брежневского застоя», оставил след в умах. Во-вторых, прагматически-технократический элемент реформаторства был усвоен определенной частью бюрократического сословия, ибо выражал потребность обеспечения военно-стратегического паритета и научно-технической конкурентноспособности с Западом: но еще более соответствовал задачам его самосохранения. В-третьих, в условиях ужесточения политического режима в нашей стране возникло диссидентское движение, а под его влиянием и диссидентское умонастроение, ставшее выбором для заметной части интеллектуалов.

Все названное в конечном счете приводило к размягчению стройных рядов властвующего в СССР бюрократического сословия. Оно перестало быть социально-политическим монолитом, тем более, что процесс инфильтрации в его ряды интеллектуалов не прекратился, хотя по сравнению с предыдущей эпохой обновление партгосноменклатуры было малозаметным.

Начавшиеся во второй половине 80-х годов перемены **в нашей стране** вновь усилили приток интеллектуалов в структуры государственной власти. Первоначально этот процесс напоминал то, что происходило в период «хрущевской оттепели».

Реформаторское крыло бюрократии способствовало приходу интеллектуалов на должности экспертов, советников, консультантов, а также управленцев в сфере государственной и хозяйственной деятельности. Начавшийся в центре процесс получил свое развитие и на региональном уровне.

Но уже с 1988г. (за точку отсчета можно брать Всесоюзную партконференцию) стало очевидным, что новое «хождение интеллектуалов во власть» выходит за рамки управляемого сверху процесса. Выборы 1989-1990 гг., прошедшие по новым избирательным законам, открыли для интеллектуалов новые пути движения к власти: через победу на выборах, через участие в избирательных командах выигрывающих кандидатов. Кроме этого, путь во власть мог лежать и через участие в новых влиятельных партийно-политических структурах (речь идет о новых партиях, движениях, объединениях, политических клубах, стачко-

мах и т.п.) Наконец, несмотря на свою половинчатость, провозглашенная сверху политика «гласности» предоставляла для интеллектуалов широкие возможности для влияния на массовое сознание. При этом любые попытки запретов или ограничений только увеличивали популярность тех представителей научной, творческой, технической интеллигенции, которые попадали под эти запреты.

В этом новом движении интеллектуалов к власти сначала тон задавала гуманитарная интеллигенция. Именно она в большей степени аккумулировала и выражала различные оттенки недовольства системой государственного социализма. Отечественные «еврокоммунисты», борющиеся за социал-демократизацию КПСС, и антикоммунисты-диссиденты находили общий язык, действовали в одной упряжке.

Победа над путчистами в августе 1991 г., приостановка деятельности компартии, с одной стороны, завершили очередной этап политической и социально-экономической трансформации в стране, с другой стороны - открыли новый этап реформирования социальной реальности. Начиная с 1992 г. приток интеллектуалов во властные структуры значительно замедлился. Снизилась активность гуманитарной интеллигенции. Все отчетливее стали проявляться среди интеллектуалов расхождения по тем или иным вопросам. Бывшее единение в борьбе с бюрократическим сословием рассыпалось. Многие из интеллектуалов, добившись власти, оказались совсем не похожими на самих себя в былые времена борьбы с властью. Определенная часть интеллигенции как внутри власти (представительной, исполнительной, судебной), так и вне ее пополнила ряды «новой оппозиции». Но еще большая часть интеллектуалов отвернулась от политики, ушла в предпринимательство или сосредоточилась на своей профессиональной деятельности.

В итоге можно констатировать, что к 1993 г. процесс массового «хождения во власть» интеллигенции закончился. Если обратиться к данным социологов, в процентном отношении обновление в составе государственных структур власти, то есть бюрократического сословия, составило от 40 до 20 процентов (в центре - больше, на местах - меньше). В любом случае, преемственность "старой партгосноменклатуры" и новой бюрократии сохранилась. Эту ситуацию не изменили ни события 1993 г., ни последующие выборы на общероссийском и региональном уровнях. Более того, курс Президента на укрепление Российской государственности, поддержанный в соответствующей интерпретации на региональном уровне, еще более укрепил уверенность переформированного бюрократического сословия в прочности своего положения в социальной стратификации изменившегося российского общества.